

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX ВЕКА

А. А. Абрамовский, О. А. Бабкин

В статье разрешается проблема разграничения подсудности дел между советскими судебными установлениями Челябинской губернии в начале 20-х годов XX века. Губотделом юстиции чётко определена компетенция революционного трибунала, народных судов и специального суда при ЧК. Прослежена дальнейшая эволюция рассмотрения этого вопроса на съездах и совещаниях местных правоприменителей в данный период времени.

Ключевые слова: Челябинская губерния, губернский отдел юстиции, революционный трибунал, народный суд, ЧК, подсудность, преступление.

После гражданской войны из всех регионов Южного Урала в Челябинской губернии сложилась наиболее сложная криминогенная обстановка. «Она больше, чем другие районы находилась под гнетом белогвардейщины, которая этим обессилила пролетариат и укрепила буржуазию, она, особенно в Верхнеуральском и Миасском уездах, лесиста и гориста, а в Кустанайском уезде с большими камышовыми зарослями, что дает приют и укрытие для бандитов и дезертиров и возможность спокойно организовываться для коротких нападений на местные советские учреждения. Челябинская губерния одной из последних Уральских губерний была освобождена от армии Колчака», — отмечалось в отчете председателя комиссии по борьбе с дезертирством. [1, с. 101] Поэтому в первую очередь необходимо было наладить эффективную работу правоохранительных структур.

К началу двадцатых годов более-менее четко была определена подсудность советских чрезвычайных судов — трибуналов. Основным правовым актом, регламентировавшим образование и деятельность данного вида суда, стало утвержденное в апреле 1919 года декретом ВЦИК «Положение о революционных трибуналах» [1, с. 101]. В первую очередь определялись подсудность губревтрибуналов: рассмотрение дел о контрреволюции и «всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти» [6, ст. 132] Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 года конкретизировал вышеуказанный закон: ревтрибуналу стали подсудны «дела о контрреволюционных деяниях; о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учёт; дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участия в спекуляции в той или иной форме, взяточничестве; о явном дискредитировании власти советскими работниками; о дезертирах, признанными злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку таковые дела комиссиями по борьбе с дезертирством

будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству» [7, ст. 115].

Отсутствие уголовно-процессуального кодекса и единого декрета, четко определявших подсудность правоохранительных учреждений, приводило по справедливому, на наш взгляд, мнению Челябинского губернского отдела юстиции к тому, что милиция и угрозыск «передают незначительные (маловажные) дела в Губчека и Трибунал, что крайне неблагоприятно влияет на общий ход работы последних, загромождает их и создает излишнюю волокиту в производстве дел» [4, л. 124—126].

Поэтому губернским отделом юстиции в 1921 году на основании выработанных им же общих признаков подсудности: а) в юрисдикцию трибунала входили дела, имевшие «крупное» общественное значение, в первую очередь агитационного порядка; б) губчека — политические дела, главным образом, о лицах, принадлежавших к антисоветским, белогвардейским организациям; в) народному суду — все остальные дела/ была определена конкретная компетенция указанных силовых структур. Все следственные органы в обязательном порядке должны были руководствоваться ею при направлении окончанных дел в судебные инстанции [4, л. 124—126].

В компетенцию трибунала в первую очередь входили государственные преступления. К ним относился саботаж — это, как объяснял южноуральский законодатель, противодействие Рабоче-Крестьянскому правительству путем неисполнения его декретов и постановлений, создание своими действиями затруднений в должном ходе работы советских учреждений. Затем шло дискредитирование в глазах местного населения пролетарской власти через распространение ложных или не проверенных слухов в печати, либо в публичных выступлениях, которые могли вызвать панику, недовольство или недоверие к новой власти. Далее упоминалась политическая провокация без какой-либо ее расшифровки и все виды шпионажа.

Краткие сообщения

Нашли свое место и должностные преступления «наиболее крупнейшие... против всех завоеваний Октябрьской революции... или ведут к ослаблению силы и авторитета советской власти». Челябинским законодателем был и определен подлог советских документов (ордеров, мандатов и удостоверений) исключительно в контрреволюционных целях [4, л. 124—126].

Можно выделить и группу преступлений против порядка управления и общественного порядка. Это — погромы («самосуды»); незаконное лишение свободы (аресты); производство самочинного обыска лицом, на то не уполномоченным; хулиганство («неисправимое»), как организация беспорядков исключительно с целью дезорганизации пролетарской власти.

Оканчивалась подсудность трибунала деяниями против собственности, а также другими хозяйственными преступлениями. В первую очередь это разбойные нападения, сопряженные с посягательством на жизнь должностных лиц при исполнении служебных обязанностей. Хищения госимущества, как чиновниками, так и частными лицами при содействии госслужащих. «Путевая кража» — хищение грузов из железнодорожных составов. Спекуляция «крупнейшая, из ряда вон выходящая». А также невыполнение натурального налога на хлеб (пшеницу).

Необходимо отметить, что по своему усмотрению, видимо, главным образом по малозначительности, дела по вышеуказанным деяниям трибунал мог передать на рассмотрение народных судов.

Далее Челябинский губюст определил компетенцию специального суда, созданного при ЧК. На первом месте стояло укрывательство государственных изменников и шпионов. Затем законодатель выделял ряд деяний «в контрреволюционных целях»: сокрытие боевого оружия, подделка денег, участие в поджогах и взрывах. В юрисдикцию чекистского суда также вошли умышленное истребление и повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, а также телефона, телеграфа, воинских складов снаряжения, продовольственных и фуражных, незаконная торговля кокаином.

Последней была определена подсудность народных судов: «посягательство на человеческую жизнь (убийство), причинение тяжких ран и увечий, изнасилование, разбой (невооруженный), грабеж (невооруженный), подделка денежных знаков и документов, взяточничество, спекуляция, кража (со взломом и без взлома замков и преград), посредничество, присвоение и растрата частными лицами чужого движимого имущества, поджоги, клевета, ложный донос, ложное свидетельское показание при следствии или на суде, угрозы лишить жизни или произвести поджог, оскорбление действием, на словах, в печати; хулиганство, варка самогонки и продажа; неисполнение приказаний или неподчинение местной власти (просто без саботажа); хранение оружия без разрешения, в местностях, не объявленных на военном положении; лесные порубки и кража лесных заготовок; самоуправство; провокация (не политическая); набатный звон, примечание: набатный звон с контрреволюционной целью... подсуден трибуналу; дезертирство во всех

видах, укрывательство их и пособничество; выдача фиктивных командировок; картежная игра; мелкие преступления по должности [4, л. 124—126].

Далее подсудность южно-уральских правоохранителей уточнил Второй региональный съезд судебных работников в июне 1922 года. Его отдельная резолюция «О подсудности» определяла, что в целях быстроты судебных решений и сокращения транспортных расходов дела о дезертирах, содержащихся под стражей, необходимо рассматривать по месту нахождения арестованного «особо для сего назначенными судами». Земельные отделы исполкомов рассматривали дела «лишь связанные с разрешением вопроса о землепользовании или из землепользования вытекающие (гражданские)». Дела о самогонварении в зависимости от «а) серьезности преступления, б) обстановки, в) последствий (вреда, деморализации и проч.)» разбирались либо особыми сессиями, либо нарсудами, «что особенно уместно в случаях дальнего расстояния от губернского или уездного города, весенней распутицы и иных препятствий на пути быстрого и правильного обставленного делопроизводства», — заканчивал свое обоснование местный законодатель [5, л. 94].

Подсудность силовых структур продолжала уточняться. В связи с тем, что в регионе дела дезертиров рассматривали несколько трибуналов: губернский, 1-ой армии труда Челябинского района, войск ВОХР, а также губчека, возникали коллизии по определению границ юрисдикции этих учреждений. Поэтому в начале октября 1920 года межведомственным совещанием «судебно-следственных органов Челябинской губернии» в составе «члена трибунала Совтрударма I т. Гехта, пред. Р. В. Тр. Челяб. района I-й арм. труда т. Гольма, пред. Рев. Воен. Триб. ВОХР при 35 Бриг. т. Зябкина, пред. от Губчека т. Лобзанова, завед. отделом юстиции тов. Вараксина, пред. от Губисполкома тов. Розенгауза, предгубсовнарсуда т. Планкова, члена коллегии Губревтрибунала т. Евтеева, предотделения губревтрибунала Либуркина» было принято решение о разграничении подсудности дел о дезертирах. Деяния контрреволюционного и политического характера были отнесены к реввоентрибуналу 1-ой армии труда; дела, имевшие тот же характер, но юридически не доказанные, передавались в ЧК; остальные входили в круг деятельности губревтрибунала [3, л. 271]. В структуре последнего в соответствии с п. 5 Постановления ВЦИК от 8 апреля 1920 года было образовано отделение (руководитель — Либуркин и два представителя от губкомдезертира), функционировавшее при специально созданном губернском комитете по борьбе с дезертирством. Этим же законом определялась подсудность чрезвычайного суда по пресечению данного преступления: «Подлежат передачи ревтрибуналам лица... а) бежавшие из части во время боя, б) бежавшие из части после отдания приказа об отправлении на фронт, в) оказавшие сопротивление при задержании, г) похитившие при побеге казенное обмундирование крое носимого на себе или унесшие оружие или снаряжение, д) дезертиры из числа лиц командного состава, е) учинившие побег к неприятелю, ж) дезертиры, объединившиеся в вооруженные банды,

з) укрыватели, действующие организованной шайкой, и) изготавливающие и распространяющие фальшивые воинские документы, к) укрывающие дезертиров с корыстной целью и л) советские должностные лица, виновные в умышленном укрывательстве или пособничестве дезертирству, в особенности в использовании своего служебного положения в целях такого пособничества и укрывательства» [2, с. 22]. Основной формой деятельности Челябинского губревтрибунала стали выездные сессии, проходившие в Троицке, Кустанае, Миассе и других районах губернии.

Таким образом, в отсутствие правового регулирования из центра Челябинские органы юстиции провели регламентацию правоприменительной деятельности силовых структур на местном уровне.

Что позволило в дальнейшем избежать дублирования компетенции, определенного правового вакуума в осуществлении, в первую очередь, судебной деятельности в губернии.

Литература и источники

1. Абрамовский, А. А. Становление советского чрезвычайного правосудия на Южном Урале : монография / А. А. Абрамовский, И. П. Мальных. — Челябинск : Челяб. высш. воен. автомоб. команд.-инженер. училище, 2010. — 267 с.
2. Декреты советской власти. — Т. 8. Апрель-май 1920 г. — М. : Политиздат, 1970. — 540 с.
3. ОГЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 42.
4. ОГЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 88.
5. ОГЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 93.
6. СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.
7. СУ РСФСР. 1920. № 22-23. Ст. 115.

Поступила в редакцию 29 августа 2017 г.

АБРАМОВСКИЙ Александр Андреевич, профессор кафедры юридической теории и уголовного права, Академия народного хозяйства и государственной администрации при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал (Челябинск, Россия). E-mail: Lmaim@yandex.ru.

БАБКИН Олег Анатольевич, инженер, 3949 военное представительство Министерства обороны Российской Федерации (Курган, Россия). E-mail: boa-kmz@mail.ru.

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 4, pp. 105—107*

DOI: 10.14529/ssh170413

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF JURISDICTION OF THE COURTS IN CHELYABINSK PROVINCE IN THE EARLY 1920s

A. A. Abramovski, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russian Federation, Lmaim@yandex.ru.

O. A. Babkin, 3949 military representation of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Kurgan, Russian Federation, boa-kmz@mail.ru.

The article reveals the problem of differentiation of jurisdiction of cases between the Soviet judicial institutions of Chelyabinsk Province in the early 1920s. The Province Department of Justice clearly defined the jurisdiction of the Revolutionary Tribunal, of the People's Courts and of the Special Court at the Cheka. Traced the evolution of this issue which was considered at Party Congresses and sessions of the local law enforcement departments during the analyzed period of time.

Keywords: Chelyabinsk Province, Provincial Department of Justice, Revolutionary Tribunal, People's Court, CheKa, jurisdiction, crime.

References

1. Abramovskij A.A., Malyh I.P. Stanovlenie sovetskogo chrezvychajnogo pravosudija na Juzhnom Urale. [The establishment of the Soviet extraordinary justice in the South Urals]. Cheljabinsk, 2010. 267 p.
2. Dekrety sovetskoj vlasti [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 8. April-May 1920. Izdatel'stvo politicheskoy literatury [Publishing house of political literature]. 1970. 540 p.
3. OGACHO. F. R-93. Op. 1. D. 42.
4. OGACHO. F. R-93. Op. 1. D. 88.
5. OGACHO. F. R-93. Op. 1. D. 93.
6. SU RSFSR. 1919. № 13. St. 132.
7. SU RSFSR. 1920. № 22-23. St. 115.

Received August 29, 2017